

ГЕКТОР ШУЛЬЦ

ФОТОГРАФ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гектор Шульц

Фотограф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67752767

SelfPub; 2022

Аннотация

Что будет делать человек, если ему в руки попадет фотоаппарат, способный запечатлевать не просто людей, а их души, какими бы они ни были? Что будет делать человек, если поймет, что любое движение ползунка в Photoshop меняет не только душу, но и жизнь этих людей? Что будет делать человек, если поймет, что не все души достойны изменения и каким-то из них прямая дорога в Хаос? На эти вопросы предстоит ответить главному герою.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Copyright	4
Пролог	5
Глава первая. Выбор	20
Глава вторая. Кто был первым?	32
Глава третья. Я не хочу	52
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Гектор Шульц

Фотограф

Copyright

© Гектор Шульц, 2020.

Все права защищены законом.

Автор не дает разрешение на воспроизведение и копирование этой книги в любой форме и любыми средствами (электронными и механическими, включая фотокопирование, магнитную запись или иные средства копирования и сохранения информации) для целей, связанных с извлечением прибыли.

В случае цитирования отдельных фрагментов или всего текста обязательно указывается авторство и проставляются все необходимые обозначения.

Пролог

*Einsam – gemeinsam
Wir haben verlernt uns neu zu suchen
Die Gewohnheit vernebelt
Die Trägheit erstickt
Der Hochmut macht trunken
Und die Nähe treibt zur Flucht*

Lacrimosa – Alleine Zu Zweit

– Все началось с того, что Он дал мне этот фотоаппарат, – я закурил сигарету и мотнул головой в сторону черного фотоаппарата, лежащего на красном кресле. Фотоаппарат, как и всегда, был заряжен и готов к работе. Эта чертова демоническая машинка всегда была заряжена и готова к работе. Даже спустя девяносто тысяч кадров и три полета в стену корпус фотоаппарата был как новенький, а заряд аккумулятора не думал уменьшаться. До сих пор сложно привыкнуть к этому... Я выпустил дым к бетонному потолку в белых разводах и, усмехнувшись, продолжил: – Это была странная глава в моей жизни, и сейчас я понимаю, что мне не хочется, чтобы она заканчивалась.

– Расскажите мне. Расскажите всё, что сочтете нужным, – стройная брюнетка в черных брюках и бежевой водолазке дружелюбно улыбнулась и, закинув ногу на ногу, положила

на колено блокнот в кожаной обложке.

Что-то в её образе раздражало меня. Сначала неуловимо, а потом до дикого зуда. Хотелось чесать себе глаза, нос, скулы. Сдирать кожу, пока не покажется мясо. Потом я понял. Меня раздражала не её улыбка, фальшивая и холодная. Раздражал не её взгляд, оценивающий и скачущий по мне, как пьяная мандавошка на лобке старой бляди. Даже легкая нотка презрения, с которой она на меня смотрела, меня тоже не раздражала. Я привык к таким взглядам. Меня дико бесила её сраная бежевая водолазка.

Такие водолазки носят те, кто жаждут показать, насколько здоровой и красивой выглядит их кожа. Слегка бронзовая, без резких морщин и портящих любую картину прыщей. Это одежда фальшивых людей, у которых за спиной стоят гребанные шкафы, наполненные скелетами под завязку. Эта водолазка стоила как всё, что было на мне надето, и от этого бесила еще больше. Впрочем, я знал, что если она снимет эту водолазку, то тут же мне понравится.

Для сорокалетней женщины у неё было прекрасное тело. Упругие груди, не стесненные лифчиком, натягивали ткань и притягивали взгляд. Красивая шея без намека на морщины. Пухлые губы, в которые вкололи, наверное, половину миллиона. Томные, холодные глаза. Глаза властной женщины, привыкшей к тому впечатлению, которое производит её об-

раз. Я видел много таких глаз и всегда подчеркивал их на фотографиях. Я мог бы её трахнуть. И даже получил бы удовольствие, а потом забыл, как и она меня.

Она, заметив, что я тоже оценивающе рассматриваю её, изогнула губы в легкой улыбке и чуть наклонила голову. Взгляд потеплел, но не настолько, чтобы презрение полностью из него исчезло. Вздохнув, я поднял на неё глаза и удовлетворенно улыбнулся, когда она смутилась. Мой взгляд вынести тяжело. Не зря я тренировал его большую часть своей жизни. Да, пусть я выгляжу, как отброс из трущоб Лондона, но взглядом я могу превращать человека в говно почти моментально.

На секунду она словно поняла, что не она контролирует ситуацию. Что это она пригласила меня на беседу, а не я набился к ней в гости, изнывая от жажды внимания. И на эту секунду она превратилась в испуганную и забитую мышку, которую удостоил своим вниманием толстый, пресытившийся кот. Эта эмоция доставила мне радость. К чему темнить и пытаться отрицать очевидное. Для неё я – звезда, а она – обычный журналист, который добивался встречи со мной последние пять лет. Мне было приятно, когда в её взгляде полыхнула злоба. Еще бы, раньше все мужики, с которыми она проводила интервью, заглядывали ей в рот и желали её тела, а тут какой-то обсос одним взглядом заставил её снять маску и превратиться в ту, какой ей быть не хотелось.

– Я чувствую вашу злобу, – буркнул я, беря со столика стакан с коньяком. Хорошим коньяком. Я немного подержал жидкость на языке, пока не начало жечь, а потом, проглотив, улыбнулся, когда теплая волна ухнула вниз, а затем резко вверх, до головокружения.

– Злобу? – брюнетка удивилась и, чуть поерзав, приняла более закрытую позу. – С чего вы это взяли?

– Бросьте, – я допил коньяк и небрежно поставил стакан на столик, заставив его протяжно звякнуть. – Думаете, вы первая, кто на меня так смотрит? К чему все эти маски? Искренность куда приятнее, даже если она являет собой чистую злобу.

– На самом деле... – она замаялась и выдавила из себя тихий смешок.

– Опять оправдания. Ненужные оправдания, – теперь я откинулся в кресле и забросил ногу на ногу, чуть не снеся потертым «докмартинсом»¹ пустой стакан со столика. – Говорите правду. Перед вами сидит фотограф, который выглядит, как ебанный бомж. Нахальный, в мешковатой майке с уродливой картинкой, в потрепанных джинсах и убогих красных ботинках. И вы должны взять у него интервью, а иначе ваш редактор... или как там называется тот упырь, который вами командует, не выпишет вам премию, способную порадовать ваше сердечко в каком-нибудь дорогом бутике.

¹ Dr. Martens – обувной бренд, любимый представителями различных субкультур.

Вы должны плясать передо мной, ублажать, улыбаться мне. Даже если ненавидите. Удивлены?

– Да. Вы ловко... – она опять не договорила, слегка покраснела и уткнулась взглядом в блокнот. Куда только девалась та знойная самка, с чувством превосходства смотревшая на меня десять минут назад.

– Угадал? Нет, милая. Я знал, – улыбнулся я, когда она скривила приятное личико. – Я гребаный фотограф, я вижу человеческие души такими, какие они есть. Со всем говном, со всеми скелетами, со всеми шрамами, как бы их искусно не прятали. После пятидесяти тысяч кадров поневоле начинаешь видеть все в другом свете. Пугающе реальном. А после двухсот тысяч тебя ничего не способно удивить. Но довольно, я на интервью, а не в пыточной на месте палача. Хочется вам играть в знойную стерву – валяйте. У вас остался час, чтобы задать необходимые вопросы, и потом я уйду.

– Вы сказали, что все началось с того, что кто-то дал вам фотоаппарат.

– Он дал фотоаппарат. Он не любит, когда Его не выделяют в разговоре. Начинает злиться, а это ведет к непредсказуемым последствиям.

– Кто Он? Бог?

Я засмеялся, заставив её вновь покраснеть.

– Нет.

– И вы не расскажете о Нем?

– Нет. По крайней мере, не сегодня. Он злится, когда я о

Нем рассказываю.

– Вы не хотели заниматься фотографией? Вас к этому принудили?

Я с трудом сдержал улыбку. Стандартные вопросы журналиста. Везде ищут гребаный подвох, даже там, где его попросту нет.

– Частично. Мне дали сделать выбор, и я его сделал. Теперь я обладатель этого фотоаппарата и довольно известная в узких кругах личность.

– Довольно известная? – она, казалось, задохнулась от возмущения. – Вы популярнее, чем голливудские актеры. Журналисты готовы душу продать, чтобы взять у вас интервью. А знаменитые галереи эякулируют кипятком, когда вы бросаете им пару своих работ для выставок. Я молчу о том, что портрет, сделанный вами, стоит сотни тысяч, а его обладатель автоматически получает место в элите общества. И тем не менее... – она снова замаялась, поморщилась, пробежавшись глазами по моей одежде.

– Я выгляжу, как обсос, – лукаво улыбнулся я и, посмотрев на фотоаппарат, лежащий в кресле, грустно вздохнул. – Мне так удобнее. Так я не забываю, кто я есть на самом деле. Все эти дорогие шмотки, машины и прочее – не для меня. Единственное, что дорого, – это фотографии. Портреты людских душ. Что вы видите в моих портретах? Наверняка изучили мое портфолио? Поделитесь мнением.

– Они... странные. Какие-то красивые, а от других хочет-

ся блевать, — слова тяжело дались ей, поэтому я ободряюще улыбнулся. Правду всегда сложно говорить. Она застревает в горле так, что её приходится выталкивать оттуда. То ли дело ложь. Она выходит гладенько и без проблем. Как блевотина.

— Так и есть. Человеческие души разные. Есть красивые. С такими я люблю работать. Есть говнина. Таких большинство.

— А моя... душа.

— Говнина, — честно ответил я. Её ушки порозовели, а в глазах мелькнуло недовольство. — Но не такая говнина, как остальные. Он, — я кивнул на фотоаппарат, — показывает все без прикрас. Возможно, я не прав насчет вас, но свое мнение озвучил, раз уж вы спросили.

— И почему у вас сложилось обо мне такое мнение? — вопросы давно перешли на личное. Это не интервью, как было с самого начала, а диалог. Диалог двух людей. — Я так плоха?

— Вы носите маски. Я не люблю тех, кто носит маски. Таким людям нельзя верить. Все, что они говорят, — это ложь. Даже больше. Махровый пиздеж, которым заливают уши собеседнику, давая ему то, что он хочет слышать. Я предпочитаю правду. И моя правда говорит о том, что в вашей душе полно говнины. Вы настолько преисполнены гордыней, что получаете от этого кайф, как какой-нибудь торчок из подворотни. Даже сейчас вы смотрите на меня, как на отброса, несмотря на мой статус, на который мне, кстати, насрать. Вы красивая женщина. Очень красивая. Но вы наполнены злобой. Она плещется через край ваших дивных глаз. И это

очень трудно скрыть. Например, я знаю, что вы мне завидуете.

– Вы правы, – кивнула она, убирая блокнот в сторону и беря бокал с вином в руки.

– Вы прошли долгий путь к своей славе. Раздвигали ноги там, где нужно, и отказывались их раздвинуть там, где хотелось. Терпели старческие слюни на своей груди. Терпели хриплое, воняющее теплой помойкой дыхание на своей шее. И сжимали губы, когда их касалась чья-то плоть, – я чувствовал, что перегибаю палку, но с правдой так всегда. Стоит выпустить из себя первое слово, как тебя будто прорывает. Ты убиваешь человека своими словами и не можешь остановиться, пока не закончишь. Она тоже медленно умирала под грузом моих слов, но в глазах, вместо привычной мне злобы, блеснула грусть. Я тронул очень болезненный нерв. – И хотя бы за это вас стоит уважать. Настолько преданно идти к мечте... Внушает уважение, знаете ли, даже у такого циника, как я.

– А ваша душа? – с вызовом спросила она. К этому вопросу я тоже был готов. Когда тебя калечат правдой, хочется отыграться. Она хотела сделать мне больно, но мне и так было больно. И нет такой боли, которая смогла бы перебить мою боль.

– И моя душа – говнина редкостная, – усмехнулся я, наслаждаясь её удивлением. – Что? Думали, что я буду как эти лицемерные уроды из ящика? Все говно, а я д'Артаньян?

Нет, милая. К чему кривляться, как я уже говорил. Рано или поздно правда вылезет наружу.

– Я стала такой, как вы сказали, не по своей воле, – тихо ответила она. – Меня заставили.

– Кто? Отец, муж, любовник, общество?

– Жизнь.

– Пафосно и туманно. Не жизнь делает нас такими, какие мы есть, а мы сами, – фыркнул я, закуривая сигарету. – Я это знаю лучше, чем кто-либо другой. И жизнь тут не при чем.

– А меня сделала такой жизнь, – она, казалось, не замечала моих слов. Тут я понял, что её правда тоже нашла путь на волю и теперь будет течь, пока не вытечет полностью. – Как вы сказали? Говнина... Говнины в моей жизни было больше, чем красоты. И чтобы получить эту красоту, пришлось с головой уйти в говнину.

– Знакомо. Я до сих пор не могу вылезти, – кивнул я. Она подняла на меня глаза, покрасневшие от блестящих в уголках слез.

– Вы сделаете мой портрет?

– Вы хотите этого? – я обязан был задать этот вопрос. Сделав портрет, я запущу необратимую реакцию, и я не знал, какой она будет. Фотоаппарат показывал мне гораздо больше того, что видели мои глаза и чувства.

– Хочу.

Я снова кивнул и взял с красного кресла камеру. Черный пластик ужалил сердце легким холодком и идеально лег в

ладонь.

Щелкнув рычажком, я включил фотоаппарат, поднес глаз к окуляру и посмотрел на женщину, сидящую напротив. Свет ночных улиц красиво освещал её волосы, а желтая лампа, стоящая сбоку от её кресла, выгодно обрисовывала лицо тенями. «Получится красивый портрет. Портрет её души», на секунду подумал я. Затем задержал дыхание на выдохе, сфокусировался и нажал на кнопку спуска затвора. Камера тихо щелкнула, и маленький красный глазок в нижнем углу корпуса моргнул дважды, говоря о том, что очередная душа оказалась записана на карту памяти.

– Мне пора, – сказал я, убирая камеру в потрепанный рюкзак. Чертовой технике было плевать, что она там стучается о пустую банку из-под пива и ключи от квартиры. На её корпусе даже царапины не появятся. Я был в этом уверен. Подняв глаза на женщину, я вдруг понял, что не помню её имени. – Как вас зовут?

– Вы не помните?

– Нет.

– Катрин. Можно Кейт.

– Адриан. Можно Адриан, – кивнул я, закидывая рюкзак за спину и доставая из кармана пачку сигарет. – Мне пора, Катрин. Час вышел, я сделал портрет, как вы и просили. Пришлю, когда закончу обработку. Естественно, бесплатно.

– Вы не хотите остаться? – голос, каким она задала этот

вопрос, так не подходил ей. В нем перемешались грусть, желание и тихая боль. Я увидел перед собой другую женщину.

— Хочу, — снова кивнул я, скидывая рюкзак и бросая его на кресло. Она улыбнулась, когда я подошел ближе и заглянул ей в глаза. — А вы?

Она любила меня с какой-то животной страстью, словно отыгрываясь за те слова, которые я ей сказал. У неё было восхитительное тело. Жаркое, с идеальной кожей, пахнущее дорогими духами. Волшебное тело.

Острые ногти впивались в мою грудь, оставляя темно-красные отметины, а её губы — жадные и горячие — были слегка солоноватыми на вкус. Мне нравилось их кусать, когда она наклонялась вперед, обрушивая лавину черных волос мне на лицо. словно дикие ягоды, которые я покупал в магазине рядом с домом. Упругие, спелые и брызгающие в рот чуть солоноватым соком. Ей тоже нравилось это, потому что наклоны ко мне стали все чаще и чаще, а когда она достигла пика, то вцепилась левой рукой мне в волосы, а правой сжала простынь. Ее губы оказались в опасной близости от моей шеи, и секунду спустя я ощутил болезненный укус, доставивший мне наслаждение.

Я перевернул её на спину ловким движением и с торжеством посмотрел в глаза. В них еще плескался оргазм, но помимо него я увидел и смех. Радость. Счастье. Она улыбалась,

сняв маску. Она была той, кем стеснялась быть.

Ноготки слегка царапнули спину, призывая продолжать. Я приблизил свое лицо к её лицу и зарылся носом в волосы. Мне всегда нравилось, как пахнут волосы. Её волосы пахли чем-то сладким. Приятный аромат. Не раздражающий и не заставляющий истерично чихать. Я поцеловал её и, не удержавшись, снова куснул губы. Дикие ягоды. Она замурлыкала, как кошка, и прижалась грудью ко мне, вызвав мурашки. Твердые набухшие соски царапали мою кожу, но они тоже были прекрасны. Темные, с чуть розоватой верхушкой и небольшими ареолами. Сжав зубы, я понял, что почти потерял контроль. Она тоже это поняла и, изогнувшись, словно напрягла все тело. Я не мог противиться и, зарывшись в её волосы носом, издал сдавленный стон торжества.

– Мы еще увидимся? – тихо спросила она, когда мы, уставшие и мокрые, лежали на кровати, смотря в потолок. Я курил, а она вертела в руке пустой бокал из-под вина.

– Нет. Ты меня забудешь, когда я закончу обработку твоего портрета, – покачал я головой. Она промолчала, и молчание это слегка кольнуло мое сердце.

– Может оно и к лучшему, – ответила она спустя пару минут молчания. Улыбнулась робкой, слабой улыбкой. – Не будем тогда терять время. Рассвет только через три часа.

Я не ответил ей, ощутив ягоды на своих губах. Они были сладкими. Соль исчезла, словно её и не было. Дикие ягоды

стали обычными. Сладкими и обычными.

– Ты снова не хочешь делать обработку? – сказал я сам себе, глядя в монитор, откуда на меня смотрела она. Женщина, о чьих губах я все еще думал. Прошли сутки, а аромат ягод никуда не делся. – Нет, я не хочу делать обработку. Не хочу, чтобы она забыла меня.

– Тебе придется это сделать, – Его голос, как обычно, появился резко и неожиданно. Я не вздрогнул, не разлил пиво, которое держал в руке, даже пепел с сигареты не упал на ковер. – Это твоя работа.

– Знаю, – лениво ответил я, отхлебывая пиво из банки. Вкус ягод стал еле различимым. – Как видишь, мне осталось допить пиво, и я буду готов.

– Я всегда могу забрать её, – мой взгляд скользнул по камере, которая лежала на столе, блестя мне в лицо злым, стеклянным глазом.

– Ты не сделаешь это. Тебе нравится смотреть, как я мучаюсь. Признайся уже, а?

– Верно, – хихикнул Он, заставив меня поморщиться. Жуткий смех. Мороз по коже от него, как ни храбрись. – Но ты сам согласился, так что будь добр – выполни свою работу.

– Я всегда могу отказаться, – равнодушно бросил я и тут же пожалел о сказанном, потому что что-то обжигающее и

холодное прикоснулось к моей шее.

— Если откажешься, то сам знаешь, что тебя ждет.

Холодное и обжигающее исчезло так же неожиданно, как и появилось. Хмыкнув, я потер шею, а потом, допив остатки пива, швырнул пустую банку через плечо. Но там уже никого не было. Вздыхнув, я пошевелил мышкой, выводя компьютер из спящего режима, и приступил к обработке портрета.

Сначала я внимательно осмотрел его, увеличив изображение почти на максимум. Кожа, которую я видел, сейчас мало походила на идеальную. Мелкие морщинки, прыщики, еле заметные черные точки. Следы от косметической иглы над верхней и под нижней губой, набрякшие мешочки под глазами, с красноватыми жилками, просвечивающимися через кожу. Усталые глаза, мутные белки и лопнувшие капилляры. Её прекрасное лицо исчезало, как и вкус диких ягод с моих губ. Говнина... говнина пачкала её душу. Но я это исправлю. Я всегда исправляю это, если хочу.

Сначала я почистил кожу. Убрал мелкие морщинки, прыщи и черные точки. Затем осветлил белки глаз и избавил их от красной паутины капилляров. Потом немного разгладил кожу². Совсем чуть-чуть, но это оказало животворный эффект, сделав её похожей на ту, которую я помнил. Затем пришел черед света, теней и цвета. Спустя час работы на меня смотрела та самая женщина, ради которой я решил остаться

² Имеется в виду ослабление текстуры кожи в Adobe Photoshop.

на ночь после интервью. Именно эта женщина смотрела на меня, когда я снял с нее маску своими поцелуями. Именно этой женщиной она и должна была быть.

Сохранив отретушированное изображение, я открыл почтовый клиент и, вбив в строку адрес журналистки, прикрепил фотографию к письму. Я минуту подумал о том, стоит ли что-нибудь написать, но ограничился стандартным – «С уважением, Адриан». Все равно она меня забудет... Уже забыла. Как только я сохранил эту сраную фотографию на жесткий диск.

Фотография... Портреты... Все это – человеческие души. То, что можно скрыть от глаз с помощью макияжа, теней или света, фотоаппарат всегда покажет во всей неприглядной красе. Покажет каждый шрам на душе, каждую ебаную морщинку и треснувшее сердце. Покажет боль, грусть и слезы. Покажет те грехи, о которых человек не хочет вспоминать, и те, которые он отчаянно хочет забыть. Я могу все исправить. Могу замазать грехи, убрать боль и склеить разбитое сердце так, что оно будет как новенькое. Но не все достойны этого исправления. Поэтому в моей коллекции есть и красивые портреты, влюбляющие в себя, а есть такие, от которых тянет блевать. Мне решать, каким будет портрет. Потому что я фотограф, и будет так, как я это вижу...

Глава первая. Выбор

*He is,
He's the shining and the light
without whom I cannot see*

*And He is insurrection, He is spite,
He's the force that made me be*

Ghost – He is

Все началось с того, что Он дал мне этот фотоаппарат. Хотя, нет. Началось все с того, что я нажрался. Нажрался так, что еле дополз до дома в восточной части Лондона, заблевал лифт и сраного мистера Вилки, которому не повезло оказаться рядом. Но насрать на мистера Вилки. Этот обмудок мне никогда не нравился. Вечно потный, с реденькими волосенками на уродливой, похожей на картошку башке и вонючим дыханием. Рано или поздно я все-равно бы заблевал его, так что сильно не расстроился. Да я не в том состоянии был, чтобы думать о бедной тушке мистера Вилки. Я, как обычно, топил в бухле свою боль. А когда топишь в бухле боль, то блюешь. Все просто.

Я ввалился в квартирку, попутно снеся с тумбы свою кепку и пустую бутылку из-под дешевого рома. Бутылка разби-

лась, но мне было плевать. Когда топишь в бухле боль, то тебе на все плевать. На хрустящие под ногами осколки бутылки, на стучащего в дверь мистера Вилки, который обрел голос и требовал извинений за свой облеваный твидовый пиджак. На все плевать. Особенно на себя.

Я смутно помнил, как пополз до холодильника. Как достал оттуда холодную банку пива и, неумело открыв её, жадно осушил почти до половины. Я был пьян, но не настолько, как хотел. И я видел себя в зеркале. Понимал. Осознавал, что этот пьяный обсос с больными глазами – я. И от осознания этого факта захотелось пить еще. Хотелось залить себе в глотку все пойло мира, чтобы оно выходило через дыры в моем теле. Чтобы оно плескалось в глазах и лилось через ноздри на загаженный пол. Я почти убил в себе человека и останавливаться не собирался. Наверное, Он тогда меня заметил. И заметил потому, что я хотел, чтобы Он меня наконец заметил и пришел по мою душу. Но Он пришел потом. Не в тот момент, когда я пьяно мычал на диване, пытаюсь снять с себя гребаные ботинки. И не в тот момент, когда я проснулся посреди ночи, чтобы выблевать остатки скудного ужина на грязную футболку. Он пришел утром, когда мою голову раздирало и калечило до слез похмелье. Он любил муки. Мои муки Он любил сильнее всего.

– Мистер Вилки оставил тебе записку, – голос у Него бы холодным, сухим и пробирал похлеще самой ядреной и гов-

няной текилы. – Он сожалеет, что не смог вручить её лично и требует от тебя двадцать фунтов за чистку своего пиджака.

– Нн... – я с трудом разлепил губы и подавил тошноту. Во рту воняло так, словно туда табун китайцев посрал и забыл убраться. Минутка борьбы со своими слабостями, и я смог озвучить то, что витало у меня в мыслях: – Нахуй мистера Вилки!

– Полагаю, он тоже так подумал, поэтому чуть ниже сделал приписку, что оставляет случившееся на твоей совести.

Я уловил нотки издевки в Его голосе и, нехотя приоткрыв глаза, уставился больным взглядом на худощавую фигуру, стоящую напротив окна так, чтобы солнечный свет не давал мне разглядеть лицо. Он улыбнулся, и я почувствовал эту улыбку каждой гребаной клеточкой своего тела. Ощущения были такими, словно мимо меня, буквально в миллиметре, промчался здоровенный грузовик. Иными словами, было пиздец как страшно.

– Кто ты такой? – спросил я, еще не зная, что Его нужно выделять в разговоре. Ответ последовал незамедлительно. Что-то холодное и обжигающее коснулось шеи, заставив кровь замерзнуть в венах, хотя мог бы поклясться, что силуэт у окна даже не пошевелился.

– Обращаясь ко Мне, выделяй, пожалуйста, что обращаешься ко Мне. И упоминая Меня в разговоре, тоже следуй этому правилу, – ответил Он и, улыбнувшись, добавил: – А чтобы ты не забывал об этом, Я оставлю тебе маленький по-

дарок.

После этих слов мою шею что-то обожгло. Словно капроновый шнур промчался по коже, со свистом рассекая плоть и заставляя кипеть кровь. Боль была адской, но я почему-то решил не показывать Ему, как мне больно. И боль усилилась. Сначала в тысячу раз. Потом в миллион. А потом я понял, что схожу с ума от боли. Он удовлетворенно хмыкнул, когда мои губы исторгли скотский и позорный стон, щелкнул пальцами, и капроновый шнур с дикой болью исчез. Только сарказма в Его голосе стало больше.

– Надеюсь, это маленькое недоразумение не сильно испугало тебя? Я старался обойтись меньшей кровью, но со строптивыми только так и приходится поступать.

– Ты очень мил, – прохрипел я, щупая шею пальцами. Пальцы наткнулись на что-то жесткое, замерли, а потом расслабились. – Ты испортил мне кожу.

– Поверь, это меньшее зло, – отмахнулся Он, усаживаясь в кресло. Причем по-прежнему делал это так, чтобы солнечный свет из окна не давал мне рассмотреть его лицо. – Шрамы украшают, а шрамы, данные Мной, украшают вдвойне, потому что учат.

– Кто Ты? Ангел? Демон? Дьявол? Белая горячка? – спросил я, кое-как принимая сидячее положение. Рука автоматически полезла в карман штанов и выудила оттуда почти полную пачку сигарет и коричневую зажигалку с логотипом закуской Хассана. Закурив, я застонал, когда дым, пошед-

ший поначалу не в то горло, вызвал легкую тошноту, но видимо все, что должно было из меня вылиться, вылилось на твидовый пиджак мистера Вилки. Он дождался, когда я докурю, а потом сделал для меня редкую милость. Принес из холодильника банку пива и молча поставил её на столик рядом с диваном. Я повторил вопрос. Он помолчал, закинул ногу на ногу и чуть склонил голову, как бы размышляя над ответом.

– Ни то, ни другое, ни третье. И уж явно не белая горячка, – Он явно был доволен ответом, а я слишком пьян, потому что пиво моментально ударило в голову, стоило сделать глоток. Он заметил это и криво улыбнулся. Почему я понял, что криво? Меня пробрал ебанный мороз.

– Тогда кто Ты? Вряд ли мой глюк. Глюк не оставил бы шрам и не принес мне пиво. Хотя... ничему не удивлюсь.

– Нет, Я не глюк, Адриан. Видишь, Я даже знаю, как тебя зовут, – хмыкнул он. Но я был пьян, чтобы удивляться этому. Кажется, в этом доме каждая безродная шавка и последний торчок знали, как меня зовут. – О, поверь. Я к твоему дому отношения не имею. Я, так сказать, явился сюда, потому что ты отчаянно искал встречи со Мной.

– Ты читаешь мысли, – констатировал я. Он кивнул. – Но я не искал Дьявола.

– Пф! – фыркнул он, снова обдав мозг и душу порцией липкого льда. – Всем известно, что Дьявол – женщина. Разве не об этом талдычат ваши проповедники? Нет, Я не Дья-

вол. Да и незачем тебе гадать, дружок. Ты звал Меня, и Я пришел.

– Угу. Не припомню, чтобы я вызывал какого-то фрика-телепата с парочкой ебанутих фокусов в кармане, – усмехнулся я и тут же поперхнулся, когда горло сдавила знакомая капроновая нить. Он заговорил, и в Его голосе не было угрозы. Только какая-то скука и лед. Тонны ебаного льда и мороза. И жег этот лед похлеще адского пламени.

– Пожалуй, напомним тебе о правилах общения со Мной. Уважение и никакого фиглярства. Ты не в том положении, чтобы шутить. Я прославился своим терпением, но оно не бесконечно.

– Ладно, ладно, – я поднял руки, и нить исчезла. – Говни-на, конечно, редкостная, но я признаю, что вел себя несколько грубо. Извини.

– Так-то лучше, – снисходительно улыбнулся Он. Лед обжег, но слабо. – Я отвечу на твой вопрос. И даже дам тебе сделать выбор.

– Выбор? – переспросил я.

– Выбор, – подтвердил Он. – Я каждому даю сделать выбор. И ты не исключение, мой пьяный, омерзительный человек.

– Это звучит обидно, – честно признался я, но Его мое заявление рассмешило. Отсмеявшись, Он щелкнул пальцами, а я, замерев на диване, уставился на фотографию, возникшую в Его руке. Я видел фотографию, но по-прежнему

не видел Его лица. Ебаное колдовство! Откуда у Него её фотография?! Я потерял эту фотографию пять лет назад!

– Не стоит так шумно выражать свое удивление, – хмыкнул Он. – Или ты все еще сомневаешься в Моем могуществе?

– Откуда у Тебя её фотография? – хрипло спросил я и вздрогнул, когда Он отпустил фотографию. Плотный кусочек картона пролетел по идеально ровной траектории и мягко опустился рядом с моей ногой. Сомнений больше не было. На фотографии была она. Чей уход я до сих пор не мог забыть. Сердце сдавило болью, и на этот раз Он ничего не делал. Эта боль была ужаснее, чем боль от капроновой нити. Боль ебаной утраты.

Он молча улыбался все время, пока я корчился от боли, смотря на фотографию безумными глазами. Он не сказал ни слова. Даже не пошевелился, когда я закусил губу до крови, чтобы не зарычать. Он сидел и улыбался, положив ногу на ногу и чуть склонив голову. Он наслаждался моими муками и не пытался меня успокоить.

– Откуда у тебя эта фотография? – я проигнорировал капроновую нить, обвинившую шею и Его ледяную злобу. Но Он почему-то не стал меня мучить. Нить исчезла, а в Его голосе мне почудилось тепло.

– Оттуда, откуда и все остальное. Из Хаоса, если тебе будет понятнее.

– Она там?

– Да. Поэтому ты звал Меня. Ты хочешь, чтобы Я забрал боль, которая сводит тебя с ума и превращает в мерзкое животное.

– Да. Хочу.

– Я не смогу забрать эту боль, – Он слабо улыбнулся, снова наслаждаясь моим удивлением. – Это не только твоя боль, но её боль тоже. Я не могу забрать эту боль. Но могу её уменьшить. Хочешь этого?

– Да.

– Что Я получу взамен?

– Все, что пожелаешь, – выдохнул я и, бережно взяв фотографию, прижал её к своей груди. Но Он лениво рассмеялся и встал с кресла, после чего подошел ко мне почти вплотную. Лица я так и не увидел. Вместо него только черное нечто, от которого сквозило морозом.

– Ты и так Мой, – прошептал Он и вытянул серую руку, указывая на диван. Проследив за ней, я кубарем скатился с дивана и не веря своим глазам уставился на свое же тело, лежащее на диване в странной позе. Серое лицо, стеклянные глаза, блевотина, застывшая в углу губ и стекшая на плечо. Все было холодным. Все покрылось ебаным льдом. Я был вне его, как какой-то сраный призрак. Он явно наслаждался произведенным эффектом. Холодное и обжигающее снова легло мне на плечо, и Он снова заговорил: – Да, мой омерзительный человек. Ты захлебнулся блевотиной. Но искра жиз-

ни еще теплится в твоём изувеченном алкоголем теле. Мне достаточно просто подождать, пока ты полностью не перейдёшь в Мою власть. Ты сказал, что Я получу все, что пожелаю? И у Меня есть для тебя работенка. Непыльная, хорошо оплачиваемая, она позволит стать тебе тем, кем ты никогда не был, и позволит немного уменьшить боль. Её боль...

– И что надо делать? – спросил я, поежившись и отводя взгляд от тела на диване. Он щелкнул пальцами, и на журнальном столике, рядом с банкой пива, появился чёрный фотоаппарат, «Никон»³. Последней модели. Стоил он прилично, насколько я знал. Как и светосильный телеобъектив с золотым кольцом⁴, лежащий рядом с камерой.

– Ты будешь фотографировать людей, – мягко ответил Он, но в этой фразе льда было столько, что казалось, замерз даже воздух. – Будешь обрабатывать их портреты. И будешь менять их жизни.

– Кто я такой, чтобы судить каких-то сраных незнакомцев? – спросил я, беря трясущимися пальцами сигарету из пачки и чиркая зажигалкой. – Мне вообще на них насрать, если честно.

– Верю. Но от тебя зависит, будут ли они страдать там, где сейчас страдает она.

Я бросил взгляд на фотографию и снова поежился от того льда, которым были пропитаны его слова.

³ Известный бренд производителя фотографической техники.

⁴ Золотым кольцом Nikon отмечают лучшие объективы.

– Или же их жизни изменятся.

– А если я откажусь? – тихо спросил я. Он кивнул, словно ожидал этого вопроса, и, почти прильнув к моему уху, прошептал:

– Она будет страдать еще сильнее. И ты будешь чувствовать её боль. Каждый обработанный портрет уменьшит эту боль. И каждая строптивая выходка увеличит её.

Мое тело вдруг пронзила другая боль, аналогов которой нет на свете. Казалось, мою душу рвали на части раскаленными добела щипцами. Раз за разом терзали оголенные нервы, а ледяные иглы проникали в мозг, заставляли ныть зубы и каждый ебаный волосок на моем теле. Внезапная злоба захлестнула мой разум. Я понял, что Он мне показывает. Это её боль. И она страдает так же, как и я.

– Я согласен, – хрипло прокаркал я и с упоением ощутил, как боль постепенно сходит на нет. Она осталась, но стала какой-то тупой и зудящей. Но, по крайней мере, она не сводила с ума и не вызывала страшные мысли.

– Отрадно слышать, – скупно бросил Он, возвращаясь к креслу. – Камера твоя, Адриан. Ты делаешь фотографию и обрабатываешь её. Все просто.

– Не все просто. В чем подвох? Всегда есть ебаный подвох, – истерично рассмеялся я. – Я на голливудских фильмах воспитан. Везде есть подвох. Уж Тебе ли не знать об этом.

– От твоей обработки фотографии будет зависеть дальнейшая жизнь человека. Кому-то достанется жизнь лучше

той, которая была. А кому-то хуже. Тебе решать. Он, – серый палец уставился на фотоаппарат, – поможет тебе увидеть не просто человека, а его душу. Со всеми шрамами и грехами. Очистить её или нет, теперь будет зависеть от тебя.

– А она? – мой взгляд упал на фотографию.

– Она не будет страдать, пока ты делаешь свою работу. Обещаю, – кивнул Он. Я поверил Ему. У меня просто не было выбора. Была лишь его иллюзия.

– Зачем Тебе это? – спросил я, беря фотоаппарат в руки. Он кольнул мои пальцы ледяной злобой и идеально лег в ладонь. – Какое-то странное удовольствие?

– Всему свое время, Адриан, – Он поднялся и повернулся к окну. Я безумно хотел заглянуть в Его лицо, освещаемое солнцем, увидеть его глаза, но не мог сделать даже шага. – Всегда будут вопросы. Будут и ответы. Всему свое время. А теперь... за работу!

Все началось с того момента, когда Он дал мне этот фотоаппарат. Эту черную, дьявольскую машинку, снимающую не портреты людей, а их души. И я мог менять эти души, двигая ползунки в Photoshop⁵. Мог добавить больше света, а мог увести душу в вечную тьму. Но я не знал, зачем Ему все это? Почему я? И какой во всем этом смысл? Оставалось надеяться, что я найду ответы на эти вопросы. А пока Он прав. Пора работать. Ведь теперь я ебанный фотограф...

⁵ Популярный графический редактор от компании Adobe.

Глава вторая. Кто был первым?

*Take my all, I surrender, surrender!
Look at me and the way I ask for forgiveness,
kindness and help!
Take my all, I surrender, surrender!
You/I will die another day, another way*

Dark Sarah – Dance with the Dragon

Кто был первым... Не помню. Через этот гребаный фотоаппарат и мои руки прошли тысячи людей. Тысячи портретов. Тысячи душ. Душ, наполненных говниной, как яйца ботаника спермой. Только ботаник может подрочить и ему полегчает, а говнину так просто не вывести. Надо крутить ползунки, превращая убогий сырой снимок в произведение искусства.

Кто был первым? Вспомнил. Она была первой. Странная, потасканная жизнью женщина, которую я случайно нашел в интернете. Да, тогда мне еще приходилось искать их самостоятельно. На сайтах знакомств, на форумах и в чатах. Выслушивать потоки сопливых бредней об их бывших, а потом, сделав снимок, растворяться из жизни. Правда, иногда я задерживался. Всего лишь на ночь. Таких я помню лучше. Они дарили мне тепло, а я отдавал им свое взамен. И боль утихала, и гребаный фотоаппарат не так жег ладони.

Я вспомнил её. Потасканная женщина. Первая измененная мной душа. Странная. Несчастливая. Как её звали? Не помню. В моем дневнике она проходила как «Первая».

– Он был психом, – сказала она, пока я мрачно цедил еле теплый чай, сидя напротив неё и стараясь не сдохнуть от скуки. Вместо чая я с большей охотой выпил бы виски или старый добрый «Миллер»⁶, наполняющий утром рот мышинным говном. Дешевое пойло для опустившихся. Но мне нравилось. Только вместо «Миллера» приходилось довольствоваться чаем и болтовней потасканной женщины. Казалось, ей мое присутствие вообще не всралось и рассказывать она могла с успехом даже молчаливому и холодному унитазу. Но мне нужно было сделать портрет. Боль становилась сильнее, и я знал, что от сумасшествия меня отделяет всего один день.

– Психом? – переспросил я, резким жестом отодвигая в сторону пустую чашку.

– Да. Психом, помешанным на контроле, – кивнула она, посмотрев на меня впервые за все то время, что мы провели в кафе. Я тоже словно впервые посмотрел на неё. И то, что я увидел, мне не понравилось. Говнина сочилась из неё, как зубная паста из тюбика, на который наехали колесом. Она перла изо всех щелей. Идиоты, что верят фотографиям на сайтах знакомств, наверняка тоже удивлялись, когда она приходила на свидание, а потом сбегали, не выдержав и часа.

⁶ Речь о пивном напитке Miller.

У неё была рыхлая кожа и тяжелые мешки под глазами. Не аккуратные, еле заметные мешочки, которые так украшают женские глаза и делают их томными. Это были мешки, побитые молью и временем. Они были полны слез и грусти, которая только и ждала, чтобы вырваться на волю. Она попыталась скрыть это таким количеством тоналки, что стала похожа на восковую куклу из какого-нибудь музея ужасов. Еще и эта вульгарная, красная помада, чуть испачкавшая зубы. Почему-то все женщины считают, что красная помада им идет. Эту женщину красная помада делала похожей на престарелую блядь, которая давала исключительно клоунам. Но помада – это полбеды. Огромные поры, черные и глубокие, как демонические угри. Они были всюду. На неровном лбу, на носу, на подбородке, но страшнее всего под глазами. Когда она улыбалась, поры расширялись вместе с её улыбкой, и я начал опасаться, что говнина полезет из этих пор и зальет к хуям ресторан, меня и этот гребанный фотоаппарат, лежащий рядом на столе.

Впрочем, если жизнь не была бы к ней так сурова, я мог бы назвать её привлекательной. Губы были красивой формы. Крупные, чувственные и на удивление ровные. Без этих жутковатых канав, делаая губы похожими на лопающиеся вишни. Да и грудь, почти вывалившаяся из декольте, тоже была неплоха. Убрать тоналку, добавить спортзал, и любой мужик был бы рад спустить на неё все свое желание.

– Он контролировал меня. Каждый мой шаг, – она истерично засмеялась, заставив меня отвлечься от рассматривания её груди и сконцентрироваться на разговоре. – Он даже сделал мне предложение.

– Ты ответила согласием? – спросил я, закуривая сигарету. Она поморщилась, но мне было насрать. Я не на свидание сюда пришел, а сделать фотографию. Одну фотографию и забыть об этой женщине и её странной истории.

– Да. Но его мое согласие не волновало. Он и так знал, что я соглашусь. Все мои друзья уговаривали меня бросить его, но я не могла. Он не позволял мне этого сделать.

Я еле заметно улыбнулся и тихо кашлянул, чтобы не рассмеяться в голос. История походила на сказку. Уверен, что даже друзья у неё были вымышленными, пока не съебались в закат от ужаса, не выдержав такой дружбы. Она, не обратив внимания на мое фырканье, продолжала: – Он дарил мне подарки, это платье, телефон, золото. Обеспечивал. И контролировал.

– И что стало последней каплей? Ну, почему ты решила его бросить? – спросил я, понимая, что история может длиться еще долго, а болтать она могла, похоже, еще дольше. Она подняла на меня глаза, заставив меня замолчать, и грустно улыбнулась. На миг исчезла та говнина, что её уродовала. Я увидел другую женщину. Усталую, грустную и тоже борющуюся с болью. Не такой сильной, как у меня, но

все-таки болью.

– Он заставил меня убить.

Я удивленно приоткрыл рот, надеясь, что мне послышалось, а потом покачал головой.

– Ты не ослышался. Он заставил меня убить родное существо, которое я так и не увидела.

– Аборт, – скорее констатировал, чем спросил, я. К чему все эти пафосные, многослойные определения, когда все можно уместить в одно слово? Никогда мне этого, видимо, не понять.

– Аборт, – подтвердила она. – На позднем сроке. Доктор сказал ему, что после этого я вообще не смогу иметь детей. А он... он засмеялся и ушел, оставив меня одну. Я одна домой добиралась, представляешь?

– Вот мудень, – буркнул я, поднимая руку и подзывая официанта. – Надо выпить.

– Я не пью, – кокетливо улыбнулась она. Моя жалость моментально сошла на нет, когда я увидел эту улыбку. Вернулся цинизм. Она хотела меня и ничуть этого не скрывала. Даже в воздухе запахло смазкой, которую так обильно выделяла её похотливая манда. На секунду показалось, что вся её история – это пиздеж, призванный разжалобить мужчину, который потом будет обязан ублажить это рыхлое тело и в качестве награды получит чувство глубокого удовлетворения. Но она, увидев, как исказилось мое лицо, все поняла и, спрятав свое лицо в ладонях, тихо заплакала. Мне снова стало её

жалко. Эта страшная, потасканная жизнью алкоголичка всего-то хотела, чтобы её любили. Чтобы дарили ей нежность и тепло, а не отбивали почки до синевы. Если она и была в чем-то виновата, так это в отсутствии силы воли. Воля просто съебалась от неё в ужасе, как и воображаемые друзья.

– Виски, – кивнул я официанту, когда тот подошел к столу и брезгливо посмотрел на плачущую женщину. – А будешь так на нее смотреть, я тебе пустой стакан в залупу вгною, чтобы хер на телескоп стал похож.

– Мне тоже виски, – всхлипнула она и вновь улыбнулась. На этот раз без похоти. С благодарностью.

Я быстро прикончил свой стакан и заказал еще, а она цедила свой медленно. И говорила без умолку, словно забыв о жидкости, способной принести ей забвение. Хотя бы на один вечер. Странно, но я её слушал. Еще каких-то десять минут назад хотелось её ударить, послать к черту или где там обитают такие бабы, как она, но все поменялось. Не знаю, виноват ли виски или же Его подарок всему виной, но я словно видел другую женщину. Потом понял, что вижу душу. А души, чаще всего, мало похожи на смертную оболочку.

Куда только исчезли те пугающие поры и отвисшая кожа. Зажглись каким-то невероятным светом уставшие глаза. И грудь. Прекрасная, пышная грудь, а не то засыпанное пудрой недоразумение, что я увидел в первый миг встречи. Странно, но и голос поменялся. Сначала он был хриплым, проку-

ренным, а сейчас стал низким и нежным. Наверное, приятно слышать признания в любви, когда тебе их говорят *таким* голосом.

– Он уничтожил меня. Сломал, изувечил, а потом выбросил, – хмыкнула она, закуривая сигарету. В её профиле на сайте, где я её нашел, в графе «Курение» стоял минус.

– Дай угадаю. И хотел, чтобы ты таскалась за ним, прося еще капельку любви? – спросил я, тоже доставая сигареты из кармана. Пальцы начало покалывать от льда, и я понял, что заболтался. Фотоаппарату нужна фотография. Ему нужна душа, сидящая напротив меня.

– Ага. Этого хотел, – кивнула она и, тряхнув сальными волосами, снова на меня посмотрела взглядом, полным странного желания. – Ты хотел меня сфотографировать?

– Да, – я взял в руки фотоаппарат и легонько сжал зубы, когда чертова машинка ужалила меня льдом.

– Я красива?

– Нет, – о, этот сладкий миг удивления, а потом и ненависти в мой адрес, когда я говорю правду. Я повозился с настройками, открыл диафрагму почти на полную, потому что в ресторане было довольно темно, и выставил выдержку, не забыв поднять светочувствительность, чтобы снимок не получился смазанным. Она рассеянно следила за моими действиями, а когда я вздохнул и поднял фотоаппарат, приняла ту странную позу, от которой меня до сих пор корбит.

Откляченная задница, неестественно выгнутая спина, чтобы было выгоднее видно грудь, наклоненная почти параллельно полу голова и вытянутые трубочкой губы. Когда женщины так делают, они похожи на результат ебли пьяного торчка и продуктов из его холодильника. Это гребаное уродство действует мне на нервы. Когда человечество разочаровалось в естественности, раз на волю вылезли эти ебанные корчи?

– Перестань кривляться, – поморщился я. Голос прозвучал глухо, потому что нос уперся в фотоаппарат. Я ждал момента, когда она на секунду станет собой. Без этих корч и откляченной жопы. И она стала. Превратилась в ту усталую женщину, которую я уже видел. Я успел нажать на кнопку, потом включил предпросмотр, проверил, в резкости ли глаза, и удовлетворенно кивнул. – Готово.

– Ты пришлешь мне фотографию?

– Я подумаю. Официант! Счет! – криво улыбнулся я, доставая бумажник. – Но я тебя провожу. Ты не в том состоянии, чтобы шляться по ночным улицам.

– Спасибо, – кивнула она, вставая со стула и снимая со спинки полушубок. Когда-то мех был красивым. Сейчас он напоминал полинялую пизду. Как и его хозяйка.

Когда мы медленно шли по загаженным улицам Стрэт-

форда⁷, она вновь заговорила. Я удивленно поднял бровь, когда услышал её хриплый голос, достал из кармана сигареты, и, подкурив сразу две, протянул одну ей.

– Ты странный мужчина, – рассеянно бросила она. Я промолчал, потому что другим всегда виднее, а спорить я не любил. – Не такой, как другие.

– Знаю, – кивнул я, пиная в сторону пустую банку из-под пива, валявшуюся на пути. Банка, глухо лязгая, отлетела в сторону и влипла в лужу чьей-то блевотины. Когда живешь на Стрэтфорде, привыкаешь и не к такому говну. – Другие тебе врали, а я говорю правду.

– Но правда – это больно.

– Зато действительно.

Она поджала губы и, чуть подумав, взяла меня под руку. И тут же добавила, когда заметила, что я напрягся:

– Прости. Я на каблуках, а тут дорога неровная.

– Дороги тут нет. Только ебанные ямы, – буркнул я, нехотя расслабляя руку. Я не любил, когда ко мне прикасались. Старый заскок из безумного детства. Только во время секса неприязнь уходила. Но сейчас я не собирался никого трахать. Мне просто хотелось домой, выпить пива и лечь спать, пока лед и боль снова не вернулись.

– Знаешь, они меня согревали, – продолжала она.

– Мужики?

– Да. Те, с кем я ходила на свидания. Ну... после него. Ты

⁷ Стрэтфорд – неблагополучный район на северо-востоке Лондона.

понимаешь?

– Ага.

– Они соглашались на секс, дарили мне тепло, а утром уходили.

– Почему? Не было достойных обмудков?

– Да. Никто не цеплял так, как он. А ты цепляешь, – она снова лукаво на меня посмотрела и слабо погладила мой бицепс. Я стряхнул её руку и помотал головой. – Уверен, что не хочешь сладенький минет?

– Нахуй мне не сдался твой минет, – ругнулся я и, оставившись, повернулся к ней. – Чего тебя так тянет меня выебать? Я просто сделал фото и угостил тебя выпивкой. Большого мне от тебя не нужно. Всё. Точка!

– Прости, – гнев сошел на нет, когда она всхлипнула. Я сжал зубы и выругался про себя. Гребаный моралист. Нашел, на ком отрываться. На несчастной алкоголичке, которой нужна капля тепла и гребаной заботы.

– Далеко еще? – спросил я, пожившись от прохладного ветерка. На миг показалось, что Он, подаривший мне этот сраный фотоаппарат, стоит где-то неподалеку, и от этого стало еще холоднее.

– Нет. За углом, – она неопределенно махнула рукой вперед, и я, ускорив шаг, завернул за угол. Завернул, чтобы тут же отлететь назад от резкого и сильного тычка в грудь.

Равновесие удержать не удалось, и я позорно шлепнулся

на задницу. Фотоаппарат в рюкзаке слабо хрустнул, но он меня мало волновал. Куда интереснее был белобрысый здоровяк в дорогом костюме, стоящий напротив меня и улыбающийся гаденькой улыбочкой.

Я перевел взгляд на свою спутницу и увидел у неё на лице странную смесь обожания, ненависти и страха. Конечно. Наверняка тот самый обмудок, о котором она трещала без умолку весь вечер. Он на неё даже не посмотрел. Он смотрел на меня, кулаки его были сжаты, а в глазах полыхало желание причинить кому-нибудь боль.

– Значит, ты действительно редкостный гондон, – буркнул я, поднимаясь на ноги. Он улыбнулся. Зубы были идеально белыми и резко контрастировали с окружающей темнотой и помойкой.

– Ты, – процедил он, не поворачивая голову, – иди домой. Я скоро закончу и поговорю с тобой.

– Ник... – она попыталась что-то сказать, но слова застряли в её глотке. Она была напугана. Очень сильно.

– Пошла. Вон, – повторил он, наблюдая за тем, как я отрываю куртку. – Сейчас вырублю твоего ублюдка, и поговорим. Ты, видимо, забыла, что я тебе говорил.

– Ник. Он просто фотограф. Он фотографировал меня.

– Кому нужно фотографировать твою испитую рожу, – рассмеялся он. Холодно и жестко. Властный уебок. Я встречался с такими. Все они были, как один. Редкостными гон-

донами.

— Мне, — буркнул я, подтягивая лямки рюкзака так, чтобы он не болтался.

— Я займусь тобой через минуту, — обрадованно улыбнулся он. Конечно, тычок и мое падение убедили его в легкой победе. Типичная ошибка всех мудаков.

— У тебя нет минуты. Ты слишком много пиздишь, — я подскочил к нему и резким кроссом врезал ему по скуле. Теперь настал черед гребаного франта лететь на жопу, а потом ошарашенно тереть место ушиба и смотреть на того, кто посмел это сделать. Он взмахом, резким и недовольным, отмахнулся от подбежавшей к нему женщины и, поднявшись на ноги, несколько раз крутанул корпусом, будто разминаясь. Делал он это подчеркнуто и небрежно, нацепив на лицо равнодушную маску. Но я-то знал, что этот обмудок в ярости.

И он кинулся на меня без предупреждения. Правда, не учел только одного. Я почти всю свою жизнь прожил в этом районе, и редко какой день обходился без стычек. Здесь не действовали правила, и упавшего еще долго месили ногами, пока рожа не превращалась в перемолотый тупой мясорубкой фарш. Везло, если ты выживал, но были и те, чье остывающее тело находили через пару дней копы. А франт дрался по правилам. Он не использовал ноги, локти и пальцы. Бил резко и уверенно крепкими кулаками. Но бил скучно и предсказуемо. Поэтому, когда я легко уклонился от его руки

и, пользуясь случаем, врезал ему по яйцам ногой, на его лице возникло обиженно-удивленное выражение. Она вновь побежала к нему, но он влепил ей такую пощечину, что она отлетела к мусорному баку и, ударившись головой об мокрую кирпичную стену, застонала от боли. Мне этого было достаточно.

Навалившись на обмудка всем весом, я заблокировал ему руки, зажав их между ног, а потом принялся медленно и методично избивать его холеную морду. Я бил нацелено, стараясь разбить бровь, сломать нос и расплющить до состояния раздавленного помидора губы. Мне понадобилось два удара, чтобы добиться этого, и еще один, чтобы сломать нос. Его рожа превратилась в жуткую перепуганную маску, измазанную кровью и соплями. Мои кулаки тоже покраснели, но я не чувствовал боли от разбитых костяшек. Ярость была сильнее.

Я бросил взгляд в сторону мусорного бака и увидел ее глаза. В них был страх, и страх этот был сильнее, чем при появлении этого обмудка. Ник. Ебанутое имя. Был у меня знакомый Ник. Ебался в жопу с бомжами, а потом сдох от пера в бок. Все Ники ебанутые. Этот – не исключение.

Остановившись, я слез с вздрагивающего франта и, вытерев кулаки об джинсы, направился к женщине. Она посмотрела на меня с ужасом, но взяла за руку и поднялась на но-

ги. Я криво улыбнулся, понимая, что такого ей видеть еще не доводилось. Ну и пусть. Пусть увидит, что её страх тоже кровоточит. Что ему тоже больно. А завтра будет еще больнее, если он не сдохнет.

– Видишь? – шепнул я, приблизив губы к её уху. Она отрешенно посмотрела на меня, ничего не понимая. – Он – обычный человек. И сейчас ему больно. И он тоже боится. Боится, что эта боль повторится. А она повторится, – я повысил голос, чтобы кашляющая кровью с соплями куча мяса на грязном асфальте меня услышала, – если он сделает тебе больно.

– Я никогда не стану прежней, – улыбнулась она и вдруг резко прижалась ко мне. Я даже не успел напрячься, как она отлипла и отошла в сторону. Левую сторону груди кольнуло льдом.

– Станешь, – тихо произнес я, смотря на неё. Я снова видел усталую, грустную женщину, которой всего-то хотелось гребаного тепла, а не унижений и кулаков валяющегося на асфальте уебка. Мне нужно домой. Выпить пива, выкурить сигарету и обработать портрет. Портрет её души.

Только открыв сырой raw⁸ с её портретом, я ужаснулся тому, насколько страшной была её душа. Все те недостатки, которые я видел в кафе, сейчас резали глаза еще сильнее. Ужасная кожа, ужасные мешки под глазами, ужасные про-

⁸ Формат цифровых файлов изображения, содержащий необработанные данные с матрицы фотоаппарата.

жилки в белках, ужасные губы, ужасная присыпанная дешевой пудрой грудь. Ужасная женщина.

Вздохнув, я отпил из банки пива, поморщился, когда газы стрельнули в нос, и приступил к обработке. Последний раз я садился за «Фотошоп» восемь лет назад, но мозг и пальцы быстро все вспомнили. Вспомнили, как разглаживать кожу, какой командой инвертировать маску, как придать блеск глазам и сделать человека красивым, безжалостно изгнав из его портрета ебаную говнину. В ней говнины было много, и мне пришлось изрядно помучиться. Чертовы поры никак не желали исчезать, а если я их замазывал кистью, то они расплывались по коже безобразным бледно-черным пятнышком. Лишь три процедуры разглаживания придали коже здоровый вид. А после того, как я ослабил мимические морщины и убрал складки на шее, портрет понемногу стал походить на человеческий. Посадив в глаза блики, я удовлетворенно хмыкнул и, закулив сигарету, откинулся на стуле, чтобы оценить то, во что я превратил душу этой несчастной бабы. Я был уверен, что она сейчас полирует хер своему Нику, а он, накрутив её безжизненные волосы на кулак, злобно порывает, вбивая свои яйца ей в глотку.

– Ты прав, – я не удивился, услышав Его голос за спиной и почувствовав лед на шее. – И Я прав.

– В чем Ты прав? – тихо спросил я, открывая калибровку и возвращая коже женщины здоровый цвет. – В том, что она

сосет ему хер?

– Конечно. Неужели ты думал, что испорченная душа так быстро послушает тебя, – Он усмехнулся, снова обдав сердце морозцем. – Но смею тебя заверить, зерно сомнения ты в ней посеял. Но прав Я в другом. Я прав в том, что поручил тебе эту работу.

– Брось, – отмахнулся я. – Ты наверняка знал, что я занимался фотографией и умею работать с проявкой в Фотошопе.

– Знал. Но твой вкус решает, человек. Ты так трогательно изменял её душу, и посмотри...

– Ага. Красавица, – кивнул я, смотря на результат своих трудов. – Но я все еще не понимаю, какая Тебе от этого польза?

– Что ты заладил о пользе, – сварливо буркнул Он. Я услышал, как скрипнуло старое кресло у окна. – Скажем так, Меня забавляет наблюдать за тем, как одна душа пытается изменить другие души. Да, Я мог бы и сам этим заниматься, но у Меня и других забот хватает.

– Пугать до чертиков несчастных алкашей, пока те не обосрут и не выпрыгнут в окно, приняв Тебя за белую горячку? – сварливо ответил я и мстительно улыбнулся, почувствовав капроновый шнур на шее.

– Могу проделать этот фокус с тобой, если не перестанешь выказывать непочтительность, – холодно заметил он. Настолько холодно, что моя ладонь прилипла к банке с пи-

вом, а сердце на миг онемело от холода.

– Прости, – вздохнул я, понимая, что съязвил незаслуженно. Все-таки я сам согласился на эту работу. И от результатов моей работы зависела та боль, которую испытывал не только я.

– Прощаю, – проворчал Он. Судя по тону, нихера он не простил. – И даже отвечу на твой невежливый вопрос. Обычно Я задаю вопросы, а не Мне их задают. Но спишем это на твой шок. Все-таки первая душа. Пусть и гадкая, как колодезная жаба... Видишь ли, Я предпочитаю использовать помощников из числа тех, кто мне должен.

– А я-то Тебе что должен? – нахмурился я, не понимая, куда Он клонит.

– Ты почти сдох, – напомнил Он. – Ты звал Меня, Я пришел и дал тебе работу. Ты согласился её выполнить, чтобы боли стало меньше. Все просто. Пока ты работаешь, действует соглашение. Откажешься, и сам знаешь, что будет.

– Невеселые перспективы, – хмыкнул я, закуривая сигарету.

– Так обычно и бывает, когда заключаешь со Мной сделку, – улыбнулся Он, обдав душу льдом. Что за ебаное нечто я выпустил в свою жизнь? Кто бы на этот вопрос мне ответил... – Но, как и у каждой сделки, у этой есть плюсы, а есть и минусы. Ему, – я понял, что речь о фотоаппарате, – нужны души. Если он их не будет получать, тебе будет больно. А раз тебе будет больно, то и ей будет больно. И боль будет стано-

виться все сильнее и сильнее. Нет, ты не сдохнешь от этой боли. Но запросто сойдешь с ума.

– Я могу фотографировать любых людей? – уточнил я, догадываясь, каким будет ответ.

– Абсолютно любых. Ты сам выбираешь души, сам выбираешь, какие из них менять, а какие оставлять без изменений.

– Что мешает мне выбирать только нормальных людей?

– Ничего. За исключением того факта, что нормальных нет. Есть разной степени черноты. Со временем ты станешь видеть больше, Адриан. Фотоаппарат поможет тебе в этом.

– Ладно, это экономит Тебе время, но не проще нанять табун фотографов? – удивился я. Он снова хохотнул.

– Не проще. Только испытывающий боль способен менять души. Только тот, чья душа сама меняется. А твоя душа, мой омерзительный человечек, говнистее, чем самая говняная говнина, как ты любишь говорить. И она тоже меняется. Меняя других, меняешь себя. Как тебе, а?

– Нихера непонятно, – честно ответил я и рассмеялся. Он поддержал мой смех, и я готов поклясться, что в этом смехе не было льда. – Ладно. Ты прав. Я сам на это подписался. Ты обещал, что она не будет страдать.

– И я держу слово. Держи и ты. Фотоаппарату нужны души. Чем чаще, тем лучше.

Он был прав. Эта чертова демоническая машинка прожорлива, как стадо голодных бомжей. И чем говнистее душа,

тем дольше он будет покладистым.

– Еще есть вопросы? Я становлюсь раздражительным, когда Меня заваливают вопросами.

– Есть, – кивнул я и тут же добавил, ощутив капроновый шнур на шее: – Но я их на потом оставлю.

– Ты быстро учишься. Не забывай о своих обязанностях. Он исчез так же внезапно, как и появлялся. Пугал ли Он меня? До чертиков. Я понятия не имел, кто или что Он такое. Мог только догадываться, но догадки сменяли друг друга, а правды я так и не находил. Покачав головой, я снова посмотрел на обработанный портрет, допил теплое и выдохшееся пиво, а потом понял, что так и не узнал имени этой странной женщины. Но, честно говоря, мне было на неё плевать. Она словно стиралась из памяти.

Сначала я отнес это к простой усталости. Потом припомнил драку в переулке с тем холеным франтом. Забавно, но имя франта я тоже забывал. Найджел? Ной? Хер его знает. Не было имени. Даже лицо вымывалось из памяти.

Хмыкнув, я встал с кресла, прошелся по комнате, подошел к окну и посмотрел на улицу. Рядом с телефонной будкой срал бомж. Срал натужно и безобразно. Он поднял глаза вверх, и на миг наши взгляды встретились. После этого он стал тужиться еще сильнее, а в итоге, посчитав меня извращенцем, показал мне средний палец, натянул штаны на грязную жопу и умчался в темноту.

Вернувшись в кресло, я снова взглянул на фотографию. Теперь обработанную. Попытался вспомнить, как она выглядела до обработки, но не мог. Попробовал найти исходник, но его не было. Душа изменилась. Изменилась и её судьба. Она была первой. И я не помню, как она выглядела до встречи со мной. Совсем не помню, словно этой встречи никогда и не было. Я помнил все, но не помнил её лица.

Глава третья. Я не хочу

*I'm getting tired of this shit
I've got no room when it's like this
What you want of me, just deal with it*

*If you were dead or still alive
I don't care
I don't care
And all the things you left behind
I don't care
I don't care*

Adam Gontier – I Don't Care

Со всеми так было. Я назначал встречу, фотографировал их, обрабатывал снимок в Фотошоп и потом забывал их лица и имена. Со временем я даже вошел во вкус. Мне нравилось фотографировать людей, обрабатывать их портреты, надеяться испорченные говниной души светом и теплом. Но Он забыл предупредить меня об одном. Когда-нибудь я должен был столкнуться с такой душой, менять которую не захочу. Именно после нее я стал вести дневник, в который переносил часть их истории и присваивал им порядковый номер. Номер был удобнее, чем имя. Обезличенный и в то же время уникальный. Эта душа получила цифру «пять» и стала в моем списке пятой.

– Долго мне стоять? – буркнула она, скосив черный глаз в мою сторону. Я поднял бровь, посмотрел на неё, как на говно, но она не смутилась. Наоборот, в черном зеркале её глаза я увидел вызов. Пришлось улыбнуться, чтобы она смутилась. Мою улыбку не вынесет даже Дьявол. Даже Он начинал злиться, когда я *так* улыбался. Расплатой был очередной лёд и очередная боль. Но эта боль, по крайней мере, напоминала мне о том, кто я есть. Меняться я не собирался. Не по Его прихоти уж точно.

– Если ты будешь хотя бы моргать или мычать, это значительно ускорит процесс, – ответил я, включая фотоаппарат. Пятая улыбнулась, но улыбка тут же исчезла с её лица. Да, актриса из нее хорошая. Но я умею возвращать таких с небес на землю. Словом. И не только. – То, что я согласился сделать тебе несколько фотографий, не говорит о том, что я твой личный раб, которого ты в любой момент можешь выебать подсвечником и бросить на потеху львам. И я могу в любой момент развернуться и уйти.

– Ох, прости. Не думала, что фотографии такие нежные, – фыркнула она, возвращаясь к столику с зеркалом, на котором стояли сотни различных баночек, кремов, тюбиков и прочей ерунды, если женщине вдруг приспичит выглядеть красиво. То, что их лица после нанесения всего этого превращались в застывшую маску смерти, их не волновало. Главное, чтобы красиво.

– Я не фотограф. Это раз. Я художник. Это два. И ты не заплатила мне ни одного сраного пенса, чтобы я стоял тут и выслушивал всякое. Это три, – нахмурился я. Прошел уже час, а я до сих пор не сделал фотографию. Фотоаппарат уже не колот меня льдом. Он натурально жег ладони сраным ледяным пламенем, потому что проголодался. Моя вина. Прошедшая неделя была дикой. Я бухал, жрал пиццу и безжалостно проебывал свой гонорар, полученный за съемку одного забавного мужичка, который отличался тем, что любил дробить в свадебную туфельку своей жены. Когда он понял, что сказал лишнее, сумма гонорара приятно увеличилась, а я не стал от этого отказываться. Как итог, фотоаппарат больше недели лежал без дела и истосковался по свежим душам. Абы какую он тоже не хотел, и боль не уменьшилась, когда я нашел ему парочку анорексичек. Поэтому я здесь и выслушиваю бред от пафосной тупой бабы. Такая душа заткнет фотоаппарату глотку минимум недели на две. Только вот обрабатывать её фото мне уже не хотелось. От слова совсем.

– Если ты таким образом решил слиться, то хорошенько подумай, – угрожающе сказала она, переварив мои слова. – Ради этой фотосессии я отпустила клиентов на час раньше. Я потратила тьму косметики, которая стоит дороже, чем твой засранный прикид. И я терплю твою злобную ухмылочку уже на протяжении часа. Один звонок, дорогой, и тебя отхуярит парочка отмороженных панков, а я самолично засуну эту камеру тебе в очко.

– Контролируй дыхание, – хмыкнул я, заставив её поперхнуться.

– Что?

– Дыхание, говорю, контролируй, – повторил я, закуривая сигарету и усаживаясь на кожаный диван. Такой же стоял в порно, на кастинге с фальшивыми агентами. Она побуравила меня злым взглядом, а потом нехотя улыбнулась. Пусть и натужно, но я понял, что улыбка искренняя. – У тебя голос дрожит и вся твоя злоба похожа на кота, обоссавшего хозяйский ботинок. Вроде он понимает, что хозяин будет это долго помнить, но вот пизды он получит один хер.

– Тебя не запугать, но поверь, боль я могу причинить сильнее, чем обоссанный хозяйский ботинок, – ответила она, поворачиваясь ко мне. – Так. Пара-тройка советов перед съемкой. Меня не лапать. Я сама знаю, как мне выгодно встать. С левой стороны не снимай. Правая лучше. И да, свои «щелчок-смена позы» можешь не повторять. Не первый раз фотографируюсь.

– Пара советов перед съемкой. Будь собой. На остальное мне похуй, – пожал я плечами. – Увижу фальшь, уйду. И похуй, кого ты там на меня натравишь.

– Отлично. Значит, мы поняли друг друга. Приступим, – кивнула она. Фотосессия началась.

Позировать она умела, но делала это шаблонно. Позы, подсмотренные в модных журналах, были бездушными, и я

не раз порывался послать все и уйти, но сожженные льдом руки напоминали о том, что хотя бы один искренний портрет я должен сделать. Поэтому приходилось скрипеть зубами, сдерживать желание отвесить Пятой пинка под выпяченный зад и жать на кнопку спуска затвора, как ополоумевший пулеметчик лупит пальцем по гашетке.

Она, в отличие от тех, кто был до нее, была красивой. Широкие скулы, восточные, миндалевидные глаза, заполненные чернильной тьмой. Кожа, пусть и сдобренная тоналкой, была чистой и ровной. Я понимал, что долго дрочиться над ретушью не придется, но понимал и то, что её душу я пока не увидел. Была лишь смертная оболочка, которая кривлялась, смотря в камеру, взмахивала волосами и закусывала губу идеально белыми зубами. Только эротизма в этих фотографиях так и не было. Была только ебаная шаблонная пошлость. Странно, скажи я кому-нибудь это примерно три месяца назад, то сам себя бы назвал психом. У Пятой был полный набор того, за что любой мужик удавится кончой до того, как она запрыгнет ему на хер. Длинные стройные ноги, упругая поднятая грудь, острые соски, торчащие сквозь тонкую белую ткань, и плоский бронзовый животик. Одна из тысяч, на кого так яростно дрочат неудачники вроде меня, заходя вечером после работы на порносайт. Одна из тысяч, чье лицо забудут, стоит яйцам исторгнуть из себя бесовскую малафью, наполняющую мужские головы ебаной говниной. В какой-то момент я не выдержал и, опустив фотоаппарат,

тяжело вздохнул. Она тут же встала в позу, уперев ручки в точеные бедра, и вопросительно посмотрела на меня.

– Ты без фальши можешь? – тихо спросил я. – Нельзя быть такой бездушной говниной. Из двух сотен кадров, что я отщелкал, нет ни одного настоящего.

– Да всем плевать, кроме вас, ебучих фотографов, настоящий человек на снимке или нет, – ругнулась она и, подойдя к зеркалу, достала из своей сумочки пачку дорогих сигарет. Я курил говно, от которого саднило горло и резало глаза, если дым попадал туда. Таких сигарет, как у нее, я себе пока не мог позволить. Пока.

– Не решай за других, золотце, – недобро улыбнулся я. – Я понимаю, что ты безумная сука, холодная и черствая, но даже в твоей ебучей, погрязшей в фальшивом мраке, душе должно быть место для искренности. Покажи мне эту ебучую искренность, и я тебе сделаю еще пятьсот одинаковых бездушных кадров.

– Никто и никогда не увидит меня другой, – на секунду, всего лишь на гребанную секунду маска спала с ее лица, но я был наготове. Она стояла в неудобной позе, отвернувшись от меня, но её лицо отражалось в зеркале. Чуть искажаясь, но это была она. Её душа. Щелчок, и я с удовольствием почувствовал, как теплеют ладони и исчезает обжигающий лед. Она резко обернулась, услышав еле слышимый звук, и её красивое лицо исказилось от ненависти. Да чего там тем-

нить, из нее просто полезла ебаная говнина. Та, которую она так тщательно скрывала. – Удали!

– Нет. Уговор есть уговор, – покачал я головой, отступая назад. – Одно искреннее фото в обмен на твои бездушные картинки.

– Удали! – теперь она рычала, а в глазах появился животный блеск. Казалось, еще мгновение, и она вцепится мне в глотку, вырвет кадык и, захлебываясь, будет лакать хлещущую фонтаном кровь.

– Нет, – спокойно ответил я. Она подошла вплотную и вцепилась мне в плечо. Острые коготки царапали кожу даже через майку, но я был непреклонен. Повидал в своей жизни психованных пёзд, так чего одну из них бояться.

– Никто не должен видеть эту фотографию.

– Её буду видеть я. Это тебя устроит? – спросил я. Она немного успокоилась, но голос был по-прежнему рыкающим и бешеный блеск из глаз не пропал окончательно.

– У меня есть выбор? Пока я найму ребят и они выебут из тебя жизнь, ты успеешь залить её в облако или загрузить куда-нибудь, – Пятая скрежетнула зубами и нехотя отпустила мое плечо. Следы от её ноготков слабо пульсировали, и я понимал, что утром стану обладателем шикарных синяков.

– Обещаю, что никто, кроме меня, не увидит эту фотографию, – вздохнул я, заставив её удивиться.

– Зачем тебе это? Я понимаю, будь я голой. Мог бы дрочить, – усмехнулась она.

– Хобби у меня такое. Собирать фотографии бессердечных, злобных сук, – парировал я и удовлетворенно хмыкнул, когда она снова закусил губу от гнева. В наступившей тишине, готов поклясться, я слышал быстрый стук её сердца. Черного, как самое глубокое анальное дристалище. Она подошла еще ближе. Настолько близко, что я почти касался её губ своим подбородком. И резко, без предупреждения, встала, после чего впиалась в мои губы с жадностью голодного вампира. Только в отличие от мифической гадины её губы были горячими, а дыхание сладким. В воздухе появился аромат смазки, от которого я моментально возбуждился. Голова закружилась, когда кровь принялась гулять туда-сюда по телу, словно сомневаясь в том, что ей следует питать в первую очередь. Член или мозг. Она выбрала член, чему я, в глубине души, конечно, был рад.

Она была хороша. Грудь, пусть и искусственная, была крепкой. Торчащие соски я чувствовал кожей, когда она ко мне прижималась. Да и стоило запустить ей руку в трусики, как стало понятно, насколько она возбуждена. Возбуждение текло по внутренней поверхности её бедер, распространяя тот самый аромат, сводящий мужчин с ума. Но я чувствовал и еще кое-что. Ненависть. Настолько сильную ненависть, что от нее, казалось, начали плавиться мои пальцы и растопленное мясо потекло по костям.

Она ненавидела меня за то, что я сделал. За то, что уви-

дел её без маски. И пыталась теперь унижить меня, высосать досуха своими сладкими губами. И тут ненависть наполнила и меня. Сколько их было в моей жизни. Холодных и злобных, вертящих на мифическом хую любые светлые чувства. Для них я был игрушкой, они разбивали мне сердце и уходили утром, даже не вспомнив обо мне. Пятая была такой же. Её возбудила моя непокорность и своеволие. Еще никто себя так не вел с ней, и она была в ярости от этого. Желание обладать мной и сломить меня корежило и ломало её душу. И я понимал, почему. Жалкий обсос с недельной щетиной, в грязной, вытянутой майке заставил её снять маску. И она жаждала не секса, а мести. Но я не доставлю ей такого удовольствия.

Я подхватил её на руки и отнес к тому зеркалу, где стояла её сумочка и косметичка. Она повисла на мне и развлекалась тем, что извивалась подобно змее, угодившей в костер, и кусала меня за шею. Укусы были болезненными, но лишь сильнее раззадоривали меня. Спихнув её сумку и одежду на пол, я улыбнулся, услышав гнев в её голосе, но мне было плевать. Я хотел одного. Отодрать эту суку так, чтобы она взвыла по-настоящему, а потом уйти из её жизни, как она уходила из жизни других.

Вошел я резко, не церемонясь, заставив её охнуть и царапнуть лакированную поверхность столика ногтями. Схватил за волосы и, чуть отклонив её голову назад, укусил за

нижнюю губу. Бесовские огоньки в её глазах стали еще ярче, а дыхание принялось вырываться из груди с хриплым при-
свистом. Она была на грани. Я тоже. Но я твердо решил дер-
жаться до последнего. Она должна первой взмолить о поща-
де.

То, чем мы занимались, нельзя было назвать любовью. Скорее это походило на какую-то странную схватку, где два голых тела переплелись, используя в качестве ложа пример-
ный столик. Она без стеснения рвала мне спину ногтями, я сдавливал пальцами бедра, понимая, что всего через час там появятся синяки. Но боль была не гостьей в этой схватке, а полноценным участником, без которого ничего бы и не было.

Спину жгло от её ногтей, я чувствовал, как она горит. Пот, попадая в царапины, вызывал дикое жжение, и кровь, ред-
кими, скромными ручейками стекала по ребрам или сколь-
зил вниз к копчику. Но мне было плевать. Я хотел другого. Хотел лишить её сил. Выпить её всю досуха. Частично мне это удалось. Она еле сдерживалась, чтобы не заорать от боли и наслаждения. Нет, это не любовь. Это настоящая ебаная битва двух ебану-
тых существ, которых и людьми-то нельзя назвать. Но это была приятная битва, в которой ты можешь выпустить наружу все свои гребанные инстинкты и не думать о партнере. Только собственное удовольствие. Ей это тоже нравилось.

Мы финишировали одновременно. Она, изогнувшись, закричала так, что зазвенело в ушах. Я, как обычно, сдавленно, впившись зубами ей в шею. Кровь кипела, и если бы сейчас кто-то вскрыл бы мне артерию, то она шипящей пеной полилась бы из раны и разъела к чертям собачьим даже камень. Но мое удовольствие закончилось слишком быстро. Такова доля всех мужиков. На смену удовольствию пришла разодранная спина, ноющая от боли, и дикая усталость, словно всю жизнь высосали через сморщенный отросток у меня между ног.

Она еще извивалась, когда я неловко натягивал на себя майку и джинсы. Извивалась, закусив губу и смотря на меня туманными глазами, пока я искал сигареты в карманах. Извивалась, когда я, закулив, повалился на диван, не в силах пошевелить даже пальцем. Сигарета, зажата в сведенном судорогой уголке губ, истлела почти полностью, когда страсть покинула её и она вновь превратилась в ту холодную, злобную суку, какой всегда и была.

— Один — ноль, — с торжеством буркнула она, сползая со столика и, спотыкаясь, направилась к дивану. Упала рядом, прижалась к моему плечу и вытащила окурок из уголка моих губ, который уже начал обжигать кожу. Пятая закурила две сигареты. Одну сунула мне; небрежно и грубо. Вторую галантно прикусила зубками и, чуть поерзав, надела черные трусики, валявшиеся рядом с диваном. Я покачал головой и, повернувшись к ней, скорее выдавил из себя, чем просто

сказал:

– Хуй тебе. Один – один. Мы кончили одновременно.

– Ты раньше, – она знала, что врет, и даже сейчас пыталась ужалить меня, вывести из себя, чтобы вновь продолжить безумное сражение. Но я слишком сильно устал, и мне было похуй. На неё, на сражения, на еблю, которая случилась пару минут назад. Да и она меня больше не возбуждала. Так, смазливая баба. С растекшейся тушью и размазанной по лицу помадой. Смешно, но настоящим человека всегда можно увидеть лишь после секса, когда похоть не мешает чувствам правильно все видеть и определять. Сейчас я видел Пятую другой. У нее были слишком широкие скулы, тяжелый подбородок, чуть выпирающий вперед. Такой подошел бы гладиатору. Вояке, на крайней случай, но не женщине. Глаза, в которых по-прежнему плескалась ненависть ко всему и ко мне в частности, были маленькими и чуть опухшими от случившейся дикой ебли. Нет, это была не любовь. Любовью занимаются медленно, вдумчиво, наслаждаясь каждым поцелуем. А это была ебля. Животная, грязная и грубая. Как она. И красивого в ней сейчас не было.

– Похуй, – протянул я, стряхивая пепел на пол. – Какая разница, кто кончил первым? А, тебе унижить меня хотелось. Ну, завтра, когда встанешь с кровати, посмотри на свои ножки. Мои пальцы еще долго будут напоминать тебе обо мне.

– Ты хочешь казаться говном, но ты не говно, – усмехнулась Пятая, не слушая меня. Женщины редко меня слушали.

Только одна слушала, что я говорю. Когда-то давно.

– Ага. Ты тоже не говно, – кивнул я и добавил, потому что улыбка у нее опять засверкала торжеством: – Ты – говнина. И ты переполнена этой говниной.

– Похуй, как ты сказал. Можешь оставить себе ту фотографию. Ты её заработал.

Я промолчал, не желая снова бросаться словами. Говорить не хотелось. Хотелось спать. И желательно на животе, потому что, судя по ощущениям, она содрала с моей спины кожу.

– Ничего не скажешь?

– Нет.

– И даже не поинтересуешься, почему я такая говнина, как ты выразился?

– Нет. Захочешь – сама расскажешь, нет, и нет. У каждого человека есть выбор, и настаивать я не собираюсь.

– Я не всегда была такой, как ты уже понял.

– Угу. Большинство рождается чистыми и хорошенькими, а потом впускают в себя говнину, и эта говнина переполняет их, льется через край, мерзкими, склизкими шмотками падая на землю и обдавая зловонными брызгами случайных прохожих.

– Меткое сравнение, философ ты мой доморощенный, – она взъерошила мне волосы, но я отдернул голову и скривился. – Ты не любишь, когда к тебе прикасаются.

– Тоже мне новость. Зато ты любишь. Не зря ты набила

себе ту татуировку на жопе.

– На пояснице, – улыбнулась она. Улыбка вышла неживой. Она снова играла, но не понимала, что играет сама с собой. Мне, как я уже озвучил, было похуй. Вот отдохну немного и пойду домой. – Память о первом любовнике. Такое не забывается.

– Что именно? Две секунды дерганья где-нибудь в кустах, потом залитое белком платье и виноватый взгляд? – съязвил я, но она, посмотрев мне в глаза, покачала головой.

– Нет. Не забывается, когда человек лишает себя жизни из-за тебя.

Я недоверчиво посмотрел на нее, но не увидел ни намека на шутку. Она говорила об этом скучающим тоном, словно каждый день кто-нибудь кончает жизнь самоубийством из-за её упругой задницы. Говнины в ней куда больше. Она тщательно ее скрывала, но сейчас говнина лилась из нее свободно. Ей ничего не мешало. И чего баб так тянет поговорить после секса? Я же, блядь, просто хочу спать.

– Ему было двадцать. Милый, славный мальчик. С огромными глазищами. Голубыми, – она делала паузы, смакуя каждое слово. Я лениво следил за ней, но видел все ту же маску. – Он любил меня, а я любила играть с ним. Иногда я разрешала ему уснуть рядом, прижавшись к моей груди. Чувствовала его теплую слюну на своих сосках. Его стояк, тычущийся в бедро. Он всегда был готов заняться со мной любовью. Не

тем, чем мы с тобой занимались. А именно любовью. Но любовь мне была не нужна. Я люблю еблю.

– Заметно, – поморщился я, устраиваясь на диване удобнее. – Ты мне всю спину на лоскуты порезала.

– Заживет до свадьбы, – она жеманно улыбнулась, когда в моих глазах полыхнул недобрый огонек. Заметила. – Что такое? Слово на букву С для тебя слишком болезненно?

– Я не хочу говорить об этом с тобой, – отмахнулся я. – Ты рассказывала о своем двадцатилетнем дебиле, любившем тыкаться хуем тебе в ногу.

– Да. Питер. Так его звали. Славный, милый мальчик. Навивный, как глупый щеночек. Он так трогательно ухаживал за мой, дарил полувялые букетики цветов, каждое утро привозил мне кофе в студию. Стихи писал.

– Я сейчас сдохну от скуки. Так любоваться собой и своей речью... это нечто, – зевнул я. Пятая тоже зевнула и игриво потянулась.

– Не хочешь взять реванш? – спросила она. Я покачал головой.

– Нахуй реванши и тебя тоже. Я отдыхаю, а потом сваливаю. Поэтому, если хочешь закончить свою историю, то советую опустить лиризм. Из твоего рта он вылетает весь в говнине.

– Как скажешь, – ненависть, чуть утихшая в её глазах, снова воспламенилась, обдав меня холодком. Но я вытерпел Его холод. Что мне холод какой-то злобной сучки? – Рассказать

тебе без лиризма? Хорошо. Я трахнула двух мужиков у него на глазах, пока он сидел рядом с кроватью, сжимая в руках свое разбитое сердечко. Он видел, как меня драли здоровенные мужики. Как заливали своей спермой. Видел, как я облизывала их тела. Он плакал, а я смеялась. Он мне надоел. Глупый мальчик. Славный, но глупый. Я видела, как он страдал, но знаешь, что, Адриан?

– Что?

– Мне нравилось наблюдать за его мукой. Он обожал меня и ненавидел. Любил и хотел убить. Но он был слабым. Что и подтвердил, прыгнув с моста в Темзу, не в силах выдержать боль.

– Что ты, блядь, знаешь о боли? – прошипел я, хватая ее за волосы и приближая её лицо к своему. – Скучная сука, игравшаяся чувствами мальчишки. Ты не испытывала настоящей боли.

– Вижу ты испытывал, – она снова меня хотела, но я чувствовал к ней отвращение. Ощущения были такими, словно я полчаса назад трахнул грязную ослицу.

– Испытывал. И до сих пор испытываю.

– Ты сильный. Не то, что Питер. Знаешь, когда он прыгнул с моста, то не утонул. Он насадился на металлический прут, торчащий из опоры. И умирал он долго, но ему никто не мог помочь. Все просто стояли и смотрели, как маленький глупый жук подыхает, будучи насаженным на булавку. Я тоже была там. И я кончила от этого, – белые зубки Пя-

той лязгнули рядом с моим ухом. На долю секунды настоящий мороз пронзил сердце, когда я увидел эту картину. Застывшее в немом крике от сумасшедшей боли лицо Питера и корчащаяся на мосту Пятая, наблюдавшая за его муками. Я видел это так явно, словно сам находился там. На этом гребаном мосту. Рядом с гребаными зеваками и кончающей раз за разом безумной женщиной. Я видел, какой кайф она испытывала от этого. Видел, как исказилось ее лицо. А ее душа... она сочилась говниной. Мороз стал сильнее, и сердце почти остановилось, но я видел и другие лица. Тех, кого она уничтожила. Она доводила их до непростительного греха, а потом кончала, глядя, как они умирают у нее на глазах. В её глазах горело наслаждение, а в их любовь. Даже в последний миг они любили Пятую. Но я её ненавидел.

Вздыхнув, я отпустил ее волосы, и она отпрянула назад. Откинулась, выставив красивую грудь, и довольно улыбнулась, наслаждаясь моей болью и ненавистью. Она не знала, что я все видел. А я знал, что даже сейчас она была готова кончить.

Кое-как поднявшись, я подхватил с кресла рюкзак с фотоаппаратом, закинул его за спину и, закулив сигарету, направился к выходу из студии. Она удивилась и даже окликнула меня, но я не повернулся. Да и задала она слишком уж обыденный вопрос.

– Когда я получу фотографии?

– Никогда, – ответил я дрогнувшим голосом и вышел, осторожно прикрыв дверь.

Сидя дома, за стареньким компьютером, и слушая шелестящий в колонках Pungent Stench⁹

⁹ Австрийская дэт-метал группа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.